

VI открытый региональный конкурс
исследовательских и проектных работ школьников
«Высший пилотаж – Пенза» 2024

Концепт *город* в рассказе Д. Рубиной «Время соловья»

Исследовательская работа

Направление «Лингвистика»

Автор:

Шило Анастасия Андреевна,
ученица 11 «А» класса
МБОУ «Гимназия № 53» г. Пензы

Руководитель:

Нилова Виктория Александровна,
учитель русского языка и литературы

2023 г.

Содержание

Введение.....	3
1. Теоретические основы понятия <i>концепт</i> в современной лингвистике.....	4
2. Анализ концепта <i>город</i> в рассказе Д. Рубиной «Время соловья».....	5
Заключение.....	12
Библиографический список.....	13
Приложение 1. Структура концепта <i>город</i> в рассказе Д. Рубиной «Время соловья».....	14

Введение

В современной лингвистической науке всё чаще появляются работы, посвящённые изучению концепта *город* в определённом художественном произведении или в группе произведений одного автора. Нередки работы, сопоставляющие репрезентацию одних и тех же концептов в текстах разных авторов одной литературной эпохи или нескольких эпох.

Актуальность работы заключается в том, что проведённое исследование связано с ведущими направлениями современной лингвистики, которые изучают понятие *концепт*, а также тем, что взгляд писателя на городскую среду позволяет увидеть те черты реально существующих городов или, например, менталитета живущих в них горожан, которые может не заметить «обычный», не творческий человек.

Гипотеза исследования: углублённое рассмотрение концепта *город* в рассказе позволит лучше постичь заложенную в нем идею, проникнуться чувствами персонажей и лучше прочувствовать стиль и манеру повествования автора.

Объект исследования – рассказ Д. Рубиной «Время соловья».

Предмет исследования – концепт *город* в рассказе Д. Рубиной «Время соловья».

Цель работы – проанализировать концепт *город* в рассказе Д. Рубиной «Время соловья».

Достижению поставленной цели способствует решение следующих **задач**:

1) изучить теоретическую литературу, раскрывающую суть концепта в современной лингвистике;

2) исследовать структуру концепта *город* в рассказе Д. Рубиной «Время соловья» (ядро, ближнюю и дальнюю периферию);

3) сделать выводы о проявлении концепта *город* в рассказе Д. Рубиной «Время соловья».

Методы исследования: исследовательский (наблюдение над языковыми явлениями и фактами); анализ (работа с текстом литературного произведения); синтез (работа с научными источниками).

Научная новизна работы состоит, во-первых, в том, что концепт *город* в рассказе Д. Рубиной «Время соловья» ранее не был исследован, во-вторых, особенности выражения авторского восприятия городов в рассказе не фиксировались ранее в трудах учёных-лингвистов и литературоведов.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что собранный и структурированный материал может быть использован в научных целях: для продолжения изучения концептов, для сопоставления концепта *город* в произведениях Д. Рубиной с произведениями других отечественных или зарубежных авторов.

Практическая значимость работы определяется возможностью применения результатов исследования в качестве иллюстративного материала на уроках русского языка и литературы, в рамках элективных и факультативных курсов по русскому языку.

Материалом исследования является рассказ Д. Рубиной «Время соловья» (2005).

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка и приложения.

1. Теоретические основы понятия *концепт* в современной лингвистике

Одним из приоритетных направлений в современной лингвистике остаётся изучение проблем отражения в языке эмоционального состояния человека, которое представляет собой исследование, направленное на сам человеческий фактор в языке.

В настоящее время понятие *концепт* активно вошло в научный обиход и легло в основу когнитивной лингвистики. Однако концепт не обладает общепринятым определением. Вариативность его толкования во многом объясняется большим интересом представителей различных областей знания к исследованию данного феномена. Пытаясь дать определение концепту, учёные сталкиваются с проблемой дифференциации весьма схожих на первый взгляд обозначений – «слово», «значение», «смысл», «понятие» и других.

В трактовке Е. С. Кубряковой, «концепт – термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [5, с. 90].

По выражению Ю. С. Степанова, концепт есть «некое суммарное явление, по своей структуре состоящее из самого понятия и ценностного (нередко образного) представления о нём человека» [9, С. 144-146]. Рассуждения лингвиста можно представить в виде следующей схемы: концепт = понятие + представление о нём [9, С. 144-146].

Согласно В. И. Карасик, концепт состоит из трёх компонентов – понятийного, образного и ценностного [2, с. 192]. По образному замечанию С. Х. Ляпина, «в глубине концепта мерцает понятие» [4, С. 21-22].

Представители когнитивной лингвистики (Е. С. Кубрякова, Н. А. Болдырев, И. А. Стернин, А. П. Бабушкин) характеризуют концепт как отражение содержания знаний, опыта, результатов всей человеческой деятельности и результаты познания окружающего мира в виде определенных единиц, «квантов» знания. Лингвокогнитивный подход подразумевает выход на концептосферу социума через анализ концептов в сознании индивида [8, С. 121].

Представители лингвокультурологии (Н. Д. Арутюнова, В. И. Карасик, Ю. С. Степанов, С. Х. Ляпин, В. И. Шаховский, С. Г. Воркачев) рассматривают концепт как ментальное образование, отмеченное в той или иной степени этносемантической спецификой.

М. М. Ангелова, проанализировав многие точки зрения, приходит к заключению: «Концепт – это единица коллективного сознания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [1, С. 3-10].

По мнению М. В. Пименовой, концепт *город* относится к категории *базовых социальных концептов* [5, С. 127-131].

Большинство современных учёных выделяют в концепте зоны ядра, ближней и дальней периферии. В ядре находятся лексемы, которые наиболее полно и точно формируют *представление о чём-то* в сознании человека [6, С. 60]. К ближней и дальней периферии относятся синонимы, антонимы, фразеологические обороты, обозначенные ключевой лексемой, распределённые по степени релевантности ключевому слову.

Таким образом, концепт – это понятие многогранное. В своей работе мы будем опираться на определение Ю. С. Степанова: «концепт = понятие + представление о нём». Концепт *город* будет рассмотрен нами с позиций *лингвокогнитивного* подхода. При анализе концепта *город* в рассказе Д. Рубиной «Время соловья» мы будем опираться на приведённую выше структуру (Приложение 1).

2. Анализ концепта *город* в рассказе Д. Рубиной «Время соловья»

Ядро концепта

К **ядерной зоне** концепта *город* нами были отнесены лексемы *город*, *городок*, *городской*, имя собственное *Иерусалим* и прилагательное *иерусалимский*. Следует отметить также, что город, в котором происходит действие, не назван, судить о его местоположении можно только косвенно (рядом с деревней Аль-Азария, недалеко от Иерусалима).

Лексема *Иерусалим* встречается в тексте 4 раза. В одном случае выполняет функцию уточнения: *Он широко и сладко зевал, глядя вдаль, на **Иерусалим***. Дважды – функцию несогласованного определения: *И на горах **Иерусалима** восходят пузырящимся паром синезёлтые озёра праздничных огней*. Один раз – функцию обстоятельства места: *Подростки и молодёжь каждый вечер рвутся из нашего рая в **Иерусалим*** [7, С. 2-5].

Дважды в тексте встречается лексема *иерусалимский*, которая всегда выступает как согласованное определение к существительному *камень*: *Можно увидеть павлина на фоне стены из **иерусалимского** камня* [7, С. 3].

Лексема *город* упоминается в тексте 6 раз, в 3 случаях выполняет функцию обстоятельства места: *Этот парень – солдат, вернулся домой на субботу, накануне вволю нагулялся в **городе***. В двух случаях *город* – подлежащее, причём всегда имеется в виду надпись на щите у въезда: *Наш **город** благословляет каждого, кто во вратах его*. Один раз *город* выполняет функцию несогласованного определения: *У него есть веские причины обходить блокпост на въезде в **город*** [7, С. 4].

Лексема *городок* встречается в тексте рассказа 5 раз. В трёх случаях выполняет функцию несогласованного определения: *Над черепичными крышами спящего **городка** проносится панический вопль павлина*. Один раз *городок* выполняет функцию обстоятельства места: *С восходом солнца бедуины исчезают из **городка***. Один раз – подлежащего: *По весне **городок** проходит все стадии театрального преобразования* [7, С. 2-5].

Один раз в тексте повести использована лексема *городской* в функции согласованного определения: *Охранник-эфиоп проверяет каждого на входе в **городской** «каньон»* [7, С. 17].

Отметим, что трижды *городок* определяется притяжательным местоимением *наш*, *город* определяется им один раз. Город во «Времени соловья» воспринимается лирической героиней как нечто *собственное*, с чем сроднилась её душа.

Ближняя периферия

В зоне ближней периферии нами рассмотрены лексемы семантических групп «Улицы», «Ландшафт», «Растения», «Здания», «Животные», «Жители», «Атмосфера города», «Транспорт».

В тексте повести присутствует 12 названий улиц города. Сразу можно отметить, что названия улиц поэтичны. Они создают ощущение некоей благодатности города, снизошедшей на него благодати: *Райские плоды; Время соловья; Багряная нить; Яхонтовая площадь; Виноградная лоза; Поющий рожок; Берега ручья; Арфа; Скрипка; Флейта; Очи, возведённые к небесам; Дорога в Иудейской пустыне*.

Рассмотрим семантическую группу «Ландшафт».

Лексема *гора* в 8 случаях выполняет функцию обстоятельства места: *Гарь очередного пожарища очередной арабской свалки на соседней **горе***. В 3 случаях – несогласованного определения: *Вот оттуда, с пологого склона **горы**, и слетает на черепицу ошалелый вопль павлина* [7, С. 6-7].

Один раз в тексте встречается лексема *косогор*, её функция – обстоятельство места: *Но*

если удачно выбрать место обзора на зелёном **косогоре** и постоять там [7, С. 8].

Лексема *холм* в тексте рассказа встречается три раза. Дважды выполняет функцию несогласованного определения: *Дети пустынных холмов*. Один раз – прямого дополнения: *Молочная нега жемчужных далей обволакивает окрестные холмы* [7, С. 9].

4 раза встречается лексема *склон*. В двух случаях выполняет функцию согласованного определения: *Небольшой участок каменистого склона*. Дважды – обстоятельства места: *С пологого склона горы и слетает на черепицу ошалелый вопль павлина* [7, С. 9].

Один раз автором использована лексема *обрыв*, в тексте она выполняет функцию обстоятельства места: *Дорожка пойдёт над обрывом* [7, С. 12].

Основная особенность ландшафта в рассказе «Время соловья» – гористость, обилие холмов и впадин.

Рассмотрим, как представлен в произведении растительный мир.

Лексема *роща* встречается в тексте два раза. В одном случае является несогласованным определением: *Холмы с прозрачными рощами на загравках*; в другом – подлежащим: *Холкой жеребёнка чернеет роща на Масличной горе* [7, С. 14-15]. Обратим внимание на антонимию.

Лес встречается в тексте один раз, выполняет функцию обстоятельства места: *Чуть позже, с околицы нашей, катящейся к лесу, улицы* [7, С. 14].

Лексема *дерево* используется автором дважды. В одном случае – во множественном числе: *Целые улицы засажены у нас этими деревьями [акациями]*. В другом – в единственном числе: *Хрупкое экзотическое дерево на верхней лужайке* [7, С. 15].

Лексема *куст* встречается в тексте трижды, всегда используется в форме множественного числа. Дважды выполняет функцию подлежащего: *Декадентского солнечного цвета «само» кусты переплетаются с простонародно вишнёвыми в тесном надзаборном объятии* [7, С. 15].

При анализе было найдено 7 лексем-названий видов растений. Две из них – прилагательные: *апельсиновый, гранатовые*. Остальные 5 – существительные: *олеандр, бугенвиллия, акация, кактус, подсолнух* [7, С. 16].

Лексемы *апельсиновый* и *гранатовый* являются согласованными определениями: *Высадил на нём апельсиновые и гранатовые деревья* [7, С. 16].

Лексема *бугенвиллия* трижды выполняет функцию несогласованного определения: *Высадил кусты бугенвиллий*. В двух случаях функция – косвенное дополнение: *Чародеи-садовники вытворяют с бугенвиллией чёрт-те что!* [7, С. 17-18]

Лексема *олеандр* встречается в тексте трижды. В двух случаях является несогласованным определением: *Высадил кусты олеандров*. В одном случае – подлежащее: *В мае же просыпаются розовые и белые олеандры* [7, С. 18].

Лексемы *акация, кактус* и *подсолнух* встречаются в тексте по одному разу в форме множественного числа: *Первыми вступают средиземноморские акации; Просыпаются огромные изысканные кактусы; Кстати, подсолнухи у нас тоже растут* [7, С. 19-20].

Использование названных выше лексем создаёт впечатление, что город окружён растительностью, и внутри него, помимо горных склонов, домов и жителей, большое количество растений. Автор одушевляет растительность, чтобы акцентировать внимание читателя на её многообразии. Звуков, связанных с растениями (шелест листы) нет. Возможная причина тому – отсутствие ветра в городе. Все деревья и кустарники будто «застыли» в неподвижности.

Рассмотрим лексико-семантическую группу «Здания». Все здания, упоминаемые в тексте рассказа, можно поделить на три группы: здания религиозного значения, дома, торговые заведения.

К зданиям религиозного значения относятся синагоги, монастыри, мечети.

Лексема *синагога* встречается в тексте трижды, во всех случаях речь идёт об одной и той же синагоге – «Шатёр Габриэля и Рафаэля». Дважды при упоминании лексемы Дина Рубина приводит детализированные описания, задерживающие внимание читателя: *Мы поднимаемся по нашей улице к маленькой частной синагоге «Шатёр Габриэля и Рафаэля» с узкими, как закладки, высокими венецианскими окнами и ещё запертыми дверями* [7, С. 11].

Лексема *монастырь* упоминается в тексте трижды, всегда один и тот же христианский монастырь – *Елеонский*. Упоминание монастыря всегда связано с колоколами: *В полдень со стороны Елеонского монастыря глухо накатывают глубокие колокольные волны* [7, С. 11].

Один раз в тексте рассказа встречается лексема *мечеть*, функция – несогласованное определение: *Но это вполне определённый соловей – муэдзин мечети* [7, С. 12].

Лексема *дом* встречается в тексте 12 раз. В 7 случаях существительное употреблено в форме единственного числа, в 5 – множественного. Когда лексема *дом* употребляется в единственном числе, Д. Рубина имеет в виду свой дом или дом как общее понятие. В 6 случаях лексема *дом* выполняет синтаксическую функцию обстоятельства места: *Если муж уличает жену в измене, он выгоняет её из дому; Однажды на детской площадке возле дома я увидела старуху бедуинку*. В 4 случаях – функцию подлежащего: *Дома поднимаются террасами* [7, С. 13].

Рассмотрим лексемы, объединённые нами в группу «Торговые заведения».

Лексема *магазин* встречается в тексте дважды. В рассказе упоминается только магазин «Дешевейшие трое». В одном случае магазин выполняет синтаксическую функцию подлежащего: *Открывается магазин «Дешевейшие трое», сокращённо – «Дешёвка»*. В другом – функцию именной части составного именного сказуемого: *Это очень дорогой магазин*. Отметим антитезу между названием магазина (*Дешевейшие трое, Дешёвка*) и реальными ценами в нём (*это очень дорогой магазин*) [7, С. 14].

В эту же группу нами отнесены лексема *торговый центр* и *кафе*. *Торговый центр* встречается в рассказе один раз, официальное название отсутствует: *Охранник-эфиоп проверяет каждого на входе в городской «каньон» – огромный торговый центр*. Лексема *кафе* упоминается один раз, выполняет функцию подлежащего: *Открывается новое кафе у Дома Голого – крошечное помещение с антресолями* [7, С. 15-19]. Обратим внимание на антитезу (*огромный торговый центр* и *крошечное кафе*).

Рассмотрим лексико-грамматическую группу «Животные». К ближней периферии нами были отнесены лексемы, обозначающие только тех животных, которых героиня видит.

Все названия животных, кроме пса героини, упомянуты в тексте повести один раз.

Лексема *собака* употреблена в форме множественного числа, синтаксическая функция – косвенное дополнение. Существительное определяется тремя неоднородными согласованными определениями: *У нас и у пастушьих бедуинских собак, забредающих полакомиться забытым куском сэндвича на скамейке* [7, С. 20].

Лексемы *куры, утка, индюк* употреблены в форме множественного числа, синтаксическая функция – косвенное дополнение: *Заселил разнообразной домашней живностью: утками, курами, индюками* [7, С. 21-22].

Лексема *курица* употреблена в единственном числе – упоминается конкретная курица,

за которой погнался пёс героини Кондрат. Синтаксическая функция – косвенное дополнение: *Однажды я наблюдала, как он погнался за **курицей*** [7, С. 22].

Лексема *павлин* употреблена в форме единственного числа, синтаксическая функция – прямое дополнение: *Можно увидеть **павлина** на фоне стены* [7, С. 23].

Рассмотрим словоупотребления лексемы *пёс* – собственный пёс героини, с которым она совершает прогулки по городу. В шести случаях из семи *пёс* определяется притяжательным местоимением. Трижды лексема выполняет синтаксическую функцию подлежащего, четырежды – косвенного дополнения: *Мой **пёс** мохнатым ковриком валяется под письменным столом, изнемогая от жары* [7, С. 24].

Рассмотрим лексемы семантической группы «Люди». Сюда отнесены имена существительные мужского и женского рода и образованные от них прилагательные.

Лексема *бедуинский* встречается в тексте три раза, имеется в виду «стоянка» бедуинов: *Вниз по склону той же горы древесно-жестяными наростами шелушатся чешуйки **бедуинского** стана* [7, С. 26].

Лексема *бедуинка* встречается дважды, выполняет в одном случае синтаксическую функцию подлежащего, в другом – несогласованного определения: *По пути нам встречаются **бедуинки**; Я увидела старуху **бедуинку*** [7, С. 14].

Лексема *бедуин* встречается пять раз. Один раз – в единственном числе в функции подлежащего: *Мягким кошачьим шагом поднимается юноша-**бедуин*** [7, С. 16].

Оставшиеся четыре словоупотребления представлены существительными во множественном числе, все они выполняют функцию подлежащего: *С восходом солнца **бедуины** исчезают из городка* [7, С. 15].

Лексема *араб* упоминается в тексте 4 раза, в двух случаях во множественном числе, имеются в виду арабы как этнос, в двух – в единственном, подразумевается конкретный житель города: *Словом, бедуины загадочны, в отличие от **аравов**, которые – понятны; Старый **араб** гонит перед собой четверых мальчиков* [7, С. 26-27].

Лексема *арабский* упоминается в тексте 5 раз, дважды определяются неодушевлённые конкретные существительные, один раз – абстрактное, два раза – одушевлённые: *Гарь очередного пожарища очередной **арабской** свалки на соседней горе; Громоздятся, поставленные торопливо впрок, дома наших **арабских** соседей; Вместе с привычным воплем, перелицованным, как старьё, на **арабский** лад* [7, С. 26-27].

Единственный персонаж, у которого в рассказе есть имя – старый уборщик *Ибрагим*. Синтаксические функции этого существительного в тексте разные: часть приложения, обращение, косвенное дополнение, подлежащее: *Это бригада уборщиков нашей улицы – «**Ибрагим** и сыновья»; А сколько у тебя детей, **Ибрагим**; С **Ибрагимом** я иногда перекидываюсь двумя-тремя словами; **Ибрагим** сидит на корточках* [7, С. 9-10].

Лексема *мальчик* упоминается в тексте один раз, имеются в виду сыновья Ибрагима: *Гонит перед собой четверых **мальчиков** от шести до десяти лет* [7, С. 11].

Дважды используется лексема *подросток*, всегда в форме множественного числа. В первом случае функция – несогласованное определение, во втором – подлежащее (вместе с лексемой *молодежь*): *На выезде у блокпоста голосуют стаи **подростков**; Подростки и **молодёжь** каждый вечер рвутся из нашего рая в Иерусалим* [7, С. 6].

Рассмотрим лексемы, характеризующие людей по роду занятий.

Один раз использована лексема *грузчик* во множественном числе. Синтаксическая функция – несогласованное определение: *Недели две оно растерянно красуется перед*

грузчиками, затаскивающими в «Дешёвку» картонные коробки [7, С. 6].

Лексема *уборщик* встречается в тексте один раз в форме множественного числа, в роли несогласованного определения: *Это бригада **уборщиков** нашей улицы* [7, С. 3].

Лексема *муэдзин* встречается трижды, в единственном числе, в одном случае – подлежащее, в двух – несогласованное определение: *Но это вполне определённый соловей – **муэдзин** мечети соседней; Умолк тягучий стон **муэдзина*** [7, С. 14-15].

Один раз используется лексема *охранник*, функция – согласованное определение: *Юмор **охранника** в супермаркете кажется идиотским*. Один раз Д. Рубина использует существительное *охранник-эфиоп*, указывая и на род деятельности, и на национальность: ***Охранник-эфиоп** проверяет каждого на входе в городской «каньон»*. [7, С. 22]

Один раз используется лексема *почтальон*, синтаксическая функция – прямое дополнение: *Павлин своим предобморочным криком испугал **почтальона*** [7, С. 23].

Судя по приведённым описаниям, город не представляется перенаселённым. Автор описывает стоящие очень близко друг к другу дома, но при этом не упоминает о толпах людей на улицах. В описываемом городе «соседствуют» несколько религий, причём количество верующих разных конфессий не одинаково, Д. Рубина отдельно делает на этом акцент: *Христианская сестра здесь младшая* [7, С. 4]. Нельзя сказать, что город многонационален, поскольку упомянуты только арабы, бедуины и охранник-эфиоп.

Рассмотрим лексемы семантической группы «Транспорт». Нами были рассмотрены названия видов транспорта, которые героиня непосредственно *видит*.

Один раз встречается лексема *минибус*: *Двое арабских рабочих разгружают сразу два **минибуса**: с молочными продуктами и булочными изделиями* [7, С. 7].

По одному разу употреблены в рассказе лексемы *мотороллер, велосипед, коляска* – все в одном предложении, каждая лексема в форме единственного числа: *Иногда это **мотороллер**, бывает, **велосипед**, раза два прямо на нас выезжала доверху гружённая детская **коляска*** [7, С. 18].

Д. Рубина не показывает многообразия видов транспорта на улицах города. Город во «Времени соловья» кажется застывшим и обездвиженным.

Дальняя периферия

К дальней периферии концепта «город» относятся лексемы семантических групп «Цвет», «Звук», «Тишина», «Запах», «Религия», «Порядок», «Сон», «Температура». Самую крупную из них составляют лексемы семантического поля *цвет*.

В рассказе присутствуют лексические единицы, обозначающие шесть оттенков *красного*. Три лексемы обозначают *пунцовый* цвет и его оттенки: *Солнце впрыгивает на небосклон, меняя цвет с **пунцового** на **оранжевый**; Глазки на нём [хвосте] переблескивали **пунцово-чёрным** огнём* [7, С. 20].

Три лексемы обозначают *сиреневый* цвет и его оттенки, всегда в единственном числе: *Первыми вступают средиземноморские акации, цветущие нежным, каким-то **милосердно-сиреневым** цветом; **Сиреневый** мусор скапливается в углах дворов и подворотен* [7, С. 13-15].

Лексема *розовый* встречается в тексте четырежды, всегда во множественном числе: *В мае же просыпаются **розовые** и белые олеандры* [7, С. 11].

Лексемы *алый, бордовый* встречаются в тексте один раз, в форме множественного числа: ***Алые, бордовые** кусты переплетаются* [7, С. 8].

Лексема *зелёный* встречается дважды, всегда в единственном числе: *Огибаем **зелёную** лужайку*.

Лексема *жёлтый* встречается в тексте один раз: *кусты сбегают вниз по жёлтым и розовым стенам иерусалимского камня*; дважды встречаются оттенки жёлтого, указывающие на оранжевый цвет: *Помещение затоплено апельсиновым светом* [7, С. 22].

Чёрный цвет дважды представлен именами прилагательными: *Дома с чёрными провалами зияющих на многие годы окон*; по одному разу чёрный цвет представлен глаголом *чернеть* и существительным *чернота*: *Холкой жеребёнка чернеет роща*; *И на горах Иерусалима в непробудной черноте одинокой ночи вскипают на горизонте* [7, С. 23-27].

Белый цвет представлен только именами прилагательными: *белый «вэн»*, *белые кусты*. Дважды в тексте обнаруживается оттенок белого – *молочный*: *Заслоня ладонью глаза от молочного утреннего солнца* [7, С. 13].

Следующая по количеству единиц лексическая группа характеризует звуки города. Все лексеммы можно поделить на четыре группы: обозначающие звуки, издаваемые людьми, животными, неодушевлёнными предметами и обозначающие отсутствие звуков, тишину.

Люди, производящие звуки, могут быть названы: *Мулла окликает правоверных*; *Умолк тягучий стон муэдзина*; *Бедуинки деловито что-то обсуждают* [7, С. 14-16].

Люди могут быть не названы, но по корневой морфеме или контексту ясно, что звук издаётся человеком: *Шаркают подошвы по тротуару*; *Лёгкий свист – в дело вступает флейта, её однообразный тянущий, завораживающий звук* [7, С. 18-19].

В звуках, издаваемых животными, источник назван всегда: *Доносится довольно слаженный хор голосов проснувшихся ослов, собак, петухов и овец*; *Панический вопль павлина*; *Пропели петухи* [7, С. 8-9].

Большинство звуков, источниками которых являются неодушевлённые предметы, доносятся с дороги: *Будут реветь грузовики, вжикать легковушки и мотоциклы*; *Урчание старой колымаги* [7, С. 2-5]. В одном случае источник звука – браслеты на руках бедуинок: *Бедуинки что-то обсуждают, жестикуюлируя и позвякивая многочисленными браслетами*; в одном – колокольный звон: *Со стороны Елеонского монастыря глухо накатывают прохладные и глубокие колокольные волны* [7, С. 3-4].

Лексема *тишина* встречается в тексте четырежды, дважды выполняет функцию обстоятельства места: *В тишине над черепичными крышами спящего городка проносится панический вопль павлина*. В одном случае *тишина* – подлежащее: *Сонная тишина утра раздражает и томит*; в одном – несогласованное определение: *Как описать её, как передать легчайшую взвесь тишины* [7, С. 15].

Один раз для обозначения отсутствия звука Д. Рубина использует прилагательное *бесшумный* в краткой форме: *Поднимается юноша-бедуин. Его драные кроссовки бесшумны*.

К зоне дальней периферии относятся лексеммы, характеризующие состояние города как *сонное*. По одному разу в тексте рассказа встречаются такие лексеммы как *дрёма* в синтаксической функции обстоятельства места: *Из дрёмы нас выманивает лёгкий свист*; *замедляться* в роли сказуемого при подлежащем *движения*: *Движения замедляются*; *спящий* в функции согласованного определения: *Над черепичными крышами спящего городка проносится панический вопль павлина*; *размеренный* в функции согласованного определения к существительному *существование*: *Размеренное существование помогает трудолюбивой мысли торить свой путь, не отвлекаясь на пустыки* [7, С. 10-18]. Все приведённые примеры характеризуют жизнь в городе, как заторможенную, неспешную, сонную.

Общая атмосфера сна, дремоты, не мешает, однако, городу оставаться шумным. С одной стороны, жители погружены в полусонное состояние, с другой – не прекращается

движение автомобилей, постоянно слышны крики животных, улицы далеко не безлюдны.

Рассмотрим лексемы, характеризующие *запахи*, развеванные в городе. Д. Рубина отмечает присутствие в городе запахов четырёх трав: шалфея, тысячелистника, лаванды – и одного дерева – оливы: *Воздух воскуряет ароматы шалфея, тысячелистника, лаванды, олив на склонах* [7, С. 19].

Рассмотрим лексические единицы, указывающие на температуру в городе. Трижды встречается лексема *жара*, всегда в разных синтаксических функциях: обстоятельства причины, несогласованного определения, подлежащего: *Изнемогая от жары; В мареве жары; Жара становится плотной и вязкой*. В одном из предложений лексема *жара* повторяется трижды, предложение односоставное, назывное: *Жара, жара, жара*. [7, С. 3-6].

При рассмотрении атмосферы, царящей в городе, необходимо обратить внимание на соотношение религии и правопорядка. Несмотря на то, что город *благословляет*, охранники и другие «стражи порядка» всё же бдительны и *проверяют* каждого, кто вступает в его пределы, охранник в торговом центре *благословляющим* движением руки *проверяет* содержимое сумки. Автор с иронией описывает, как под щитом с надписью «*Наш город благословляет каждого, кто во вратах его*» *Сидят трое парнишек, только в форме солдат и благословляют каждого, рассеянно при этом проверяя* [7, С. 26].

Отметим здесь же диалог между охранником и случайным посетителем: «Он [охранник] дежурно спрашивает: – *Пистолет есть?*», «И когда вы так же дежурно отвечаете: – *Нет*, – *наклоняется и заговорщицки произносит: – Так купи два!*» [7, С. 26].

Несмотря на всю библейскую поэтику в названиях улиц, стоны муэдзина, тени молящихся в окнах синагог, город во «Времени соловья» – не «обетованный», не рай на земле. Это современный населённый пункт, где есть строгие правила для поддержания порядка и безопасности.

Таким образом, концепт *город* является ключевым в рассказе Д. Рубиной «Время соловья». Данный концепт многозначен, он обозначается и выражается в произведении, в соответствии с идейным содержанием и сюжетом рассказа. Несмотря на религиозность, которой пропитан город и которая отражается в названиях улиц, надписи на блокпосте, утренних и вечерних молитвах муллы, христианских храмах, иудейских синагогах и мусульманских мечетях, город живёт по законам современного государства. Более того, создаётся впечатление, что доверительной атмосфере улиц, всему обществу народа, «вскормленного поэтикой библейских текстов», невозможно «довериться». Всегда присутствует некая настороженность, чувство возможной опасности: проверки на блокпосте и у входа в центр, советы по поводу оружия, которые даёт охранник. Тем не менее, страх не является доминирующим чувством, его оттесняют на второй план жара, сонное состояние города, многообразие цветов, крики животных и прочее.

Заключение

В результате решения поставленных задач, мы пришли к следующим выводам.

Концепт – это понятие многогранное. Представители когнитивной лингвистики считают, что концепт – это отражение содержания знаний, опыта, результатов всей человеческой деятельности и результаты познания окружающего мира в виде определенных единиц, «квантов» знания. Лингвокогнитивный подход к анализу концепта подразумевает выход на концептосферу социума через анализ концептов в сознании индивида. По мнению Ю. С. Степанова, «концепт = понятие + представление о нём».

Большинство современных учёных выделяют в каждом концепте зоны ядра, ближней и дальней периферии. В ядре находятся лексемы, которые наиболее полно и точно формируют *представление* в сознании того, кто воспринимает текст. К ближней и дальней периферии относятся синонимы, антонимы, фразеологические обороты, обозначенные ключевой лексемой, распределённые по степени релевантности ключевому слову.

В ходе анализа концепта *город* в рассказе Д. Рубиной «Время соловья» нами была проанализирована 151 лексема, общее количество словоупотреблений – 253.

Описываемый в рассказе город не называется, но автор сообщает о его расположении – около деревни Аль-Азария, недалеко от Иерусалима. С одной стороны, автор делает акцент на некоей «библейской поэтике» города, на благословении, которое словно снизошло на героиню. С другой – на уровне периферийных деталей показывает, что «довериться» благословенному городу нельзя – в его атмосфере всегда есть некая настороженность, недоверие, отчасти ложь, а правопорядок нужно постоянно поддерживать.

Названия улиц ярче всего выражают «библейскую поэтику города». Лексемы семантических групп «Растения» и «Ландшафт» не несут серьёзной концептуальной нагрузки, но поясняют читателю, что в городе буквально нет ни одного ровного места и что его яркая особенность – богатство растительного мира. В описаниях архитектурных объектов прослеживается обманчивость города: магазин с названием «Дешевейшие трое», «Дешёвка» является очень дорогим. Описания людей заставляют чувствовать настороженность и недоверие, отчуждённость этносов друг от друга.

Город во «Времени соловья» – не рай на земле. Это современный населённый пункт, где есть строгие правила для поддержания порядка и безопасности.

Самая крупная лексико-семантическая группа представлена словами со значением цвета и звука. Их источниками могут быть люди, животные, неодушевлённые предметы.

При описании города во «Времени соловья» автор делает акцент на обилии цветов города, на запахах, жаре, на многообразии звуков и почти полном отсутствии тишины, на чувстве библейской поэтики и в то же время – некоей настороженности, интуитивном ощущении недоверия между этносами, живущими бок о бок друг с другом. Большое влияние на восприятие оказывают элементы городской среды со значительной смысловой нагрузкой: звон колоколов, бесшумная походка бедуинов-следопытов, названия улиц.

Проведённый анализ позволил отметить способы выражения Д. Рубиной представления о маленьком иудейском городе возле Иерусалима, особенности его восприятия автором, обобщить приёмы, используемые для создания колорита городской среды, её атмосферы.

Углублённое рассмотрение концепта *город* в рассказе позволило лучше постичь заложенную в нем идею, проникнуться чувствами персонажей и лучше прочувствовать стиль и манеру повествования автора. Гипотеза подтвердилась.

Библиографический список

1. Ангелова М.М. «Концепт» в современной лингвокультурологии // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики / Сборник научных трудов. Выпуск 3. – М., 2014. – С. 3 – 10.
2. Карасик В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С. 75-80.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой.– 3-е изд., испр.. – М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011. – С. 90.
4. Ляпин С. Х. Концептология: к становлению подхода // Язык и этнос: Российская лингвокультурология. – 2012. – 73 – С.21-22.
5. Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – Вып. 2(54). Т.2. – С. 127-131.
6. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике – Воронеж, 2001. – С.60.
7. Рубина Д. Холодная весна в Провансе. – М.: Эксмо, 2005. – 336 с.
8. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. – Волгоград: Перемена, 2004. – С. 121.
9. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 2012. – С. 144-146.

Структура концепта *город* в рассказе Д. Рубиной «Время соловья»

РЕЦЕНЗИЯ

на работу учащейся 11 «А» класса МБОУ «Гимназия № 53» г. Пензы
Шило Анастасии Андреевны
на тему «Концепт *город* в рассказе Д. Рубиной «Время соловья»»

Актуальность выбранной автором темы подтверждается связью с ведущими направлениями современной лингвистики, которые изучают понятие «концепт», его проявления, виды и формы, концепт *город*; также определяется в необходимости углубленного изучения вербализации концепта *город* в творчестве (а конкретно в рассказе «Время соловья») одного из ярких современных писателей – Д. Рубиной.

Структура работы построена логически, грамотно и включает теоретическую и исследовательскую главы. Цель и задачи исследования сформулированы четко, что позволило автору изложить материал в строгой логической последовательности.

Достоинством работы следует считать проведенный глубокий анализ феномена «концепт» в современной лингвистике, позволивший рассмотреть **вербализацию концепта *город*** в рассказе Д. Рубиной «Время соловья».

При написании работы были использованы отечественных лингвистов Е.С. Кубряковой, Ю.С. Степанова, В.И. Карасик, С.Х. Ляпина и других.

Заслуживают внимания теоретическая значимость работы (расширение представлений о концепте *город*, определение особенностей его репрезентации в рассказе Д. Рубиной «Время соловья», использование полученных выводов для последующего изучения творчества писательницы, практическая значимость (возможность применения результатов исследования в качестве иллюстративного материала на уроках русского языка и литературы, в рамках элективных и факультативных курсов по русскому языку), научная новизна (осмысление значимости ранее не изученного учеными концепта *город* в рассказе Д. Рубиной «Время соловья»).

По своему содержанию, задачам и результатам данная исследовательская работа соответствует предъявленным требованиям VI открытого регионального конкурса исследовательских и проектных работ школьников «Высший пилотаж – Пенза» 2024.

Рецензент:
учитель русского языка и литературы
МБОУ «Гимназия № 53» г. Пензы

/Нилова В. А./